

Анастасия Тихомирова

Андеграундный экскалатор бытия

Когда сочность плещет нормативно и с избытком

16+

Любовь Киреевская

Андеграундный эскалатор бытия

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Киреевская Л. К.

Андеграундный экскалатор бытия / Л. К. Киреевская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Если свежая концепция с поп-артом в каждом крохотном пробеле с сочностью слагаемых, облизывающая ваше мировоззрение крупными языками и ваш анти-регламент души, о котором вы можете не подозревать, как о беременности, то рано или поздно она/он возродится, это карусель для сознания, проверьте стошнит вас или нет, дорогие смелые и отважные!

© Киреевская Л. К., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Любовь Киреевская

Андеграундный экскалатор бытия

ГЛАВА 1. ЗНАКОМСТВО С ЕГО ВЫСОЧЕСТВОМ.

Случилось утро пресно и стерильно. Треск матраса и завывающее одеяло, которое открывалось как врата купидона взмахом колена и голени – дружелюбно. Не удалось взъерошить паркет «топающими» ногами, когда он встал, он порхал. Его возможная-невозможная кротость и либеральность в нравах, академическая походка за халатом – тянущиеся трицепсы. В одеянии он скоропостижен на узнаваемость – волочится за кофе, который затопил свет. Быстро пропустив все утренние процедуры, которые можно перевернуть и переквалифицировать наизнанку, а после мумифицировать, но зачем его видеть обнаженным, тогда сотрется вся публицистика, останется ломкий текст или натура, которая отчаянно не дремлет, трепещет без правил – одурчивает. Он собрался на работу и так ловко подхватил невнятную мысль – надо ответить ей – она моя любимая пациентка, так что плевать на мороз и то, что нет перчаток, он читал ее сообщения. Его звали Александр Иванович Ковалев, а ее Настя. Она была полностью поработана его не бросающимися оговорками или изъясными, которые она прелестно выравнивала. Их вообще-то не было, она их придумывала для придания несвойственной ему робости. Чтобы убрать излишнюю сытость им. Настя, правда, не знала, кто он ей. С одной стороны, он до жути обладает шармом и изысканностью, как мужчина. Но с другой стороны, более включенной с гасю в отношениях – отсюда следует некая уязвимая раскрепощенность – так что между ними максимально объятие. Но больше ей и не надо, раз ему этого не надо. Они – одно целое – пакт. Александр Иванович ей как отец. Он такой нежный и потому ему покорны все поющие коты и ласточки, цепляющие листья. Он также отрезвляет ее точками, поставленными в конце предложения и кроме того злит ее до безобразия. С этого могут начаться мои кувыркания на кровати в том смысле, что я не нахожу себе места – швыряние ног и рук – выкидывание их как мяча, так что мое тело в баскетбольное кольцо – вкус смерти в такие моменты так прилипчив. И все это может быть только антипрославлением его. Такая манерность создает клыки. Он очень правильно действует – он придал глобальный смысл жизни – в том он заключается, чтобы вдруг пожелать умереть – желание роскошное как меха 50 – х на светской львице и некропотливое.

Смысл жизни в том, чтобы хотеть умереть. Так, когда он не отвечает на ее сообщения – она в диком бешенстве ждет без дюйма терпения. Для нее это невыносимо больно, хрусталь бьется у нее в руках – учащенное дыхание. Послушайте-ка: «Смысл жизни в том, чтобы хотеть умереть» – «действие со слезами» но в процентном соотношении покрытое как бы пенкой счастья или, в противном случае, весельем. Хотя мешанина грусти половинчатой или полноценной с весельем – есть игрушечность. Но грусть можно переживать осознанно и плакать, и при этом признавать красоту грусти как данное, только так можно сделать ее слабее. Но грусти человек предается быстрее, скоропостижнее, одержимее, в отличие от веселья. Например, произошло событие, и оно требует веселья, оно его попросту вызывает и после этого вдруг нарушаются планы, что отвратительно для вас и грусть оказывается сильнее прожитого, но стелющего свои остатки веселья – искусственность из-за противоположности, которая очень жестока, так как всегда отдаются грусти. Кстати, если рассмотреть оголенно эти качества, то среди них наблюдается иерархия. Вообще-то рассказ шел о нем – Александре Ивановиче. Но сейчас мы цепляемся по отдельности за опыт каждого из них. Опыт Насти выплыл первым. Дальше вы поймете, почему. Итак, когда грустите по-настоящему, то владение собой становится недостижимой глупостью, думается – уродство, да и только. Итак, «иерархия чувств» – одни сильнее других. Вы думаете их не обуздать? Когда мы посмотрим отстраненно, то увидим со стороны, как скучно без страданий, как невозможно понять вполне счастье без него – как

без смерти можно желать жить, как без осознания когда-то преходящей смерти – счастье в том, чтобы желать умереть, но не делать этого, а наблюдать, все остальное цепляющееся. Например, траурная грусть – мерзавка, при которой контроль вежливо усыхает. Почему? И при дикой веселости, когда нам хорошо – контроль вторичен. Что значит растяжимое понятие «хорошо»? Оно может быть и при грусти, которая наступила после траурной грусти, при веселости, при владении собой – контроле. Счастье может исходить от чувств и также от разума. Счастье настоящая проститутка и обманщица. Зная ее выпендречничество – перед ней не устоять. Мы его продолжаем любить, зная теперь на что он способен, поэтому мораль и моральные ценности должны быть отпущены, хотя бы на дюйм, чтобы предаваться счастью благонадежно. Первая часть конструктора – 1) Счастье в том, чтобы желать умереть. Но дальше – лучше, смысл жизни в том, чтобы испытывать счастье, но не детское или голое, а счастье как посредник – от контроля всепоглощающего, от пришедшей непревзойденной идеи, от незамкнутой системы чувств – покоряет до счастья, но в полнейшей сочности это может быть только с желанием смерти, при этом отвергать ее можно, а потом снова желать. Но ни в коем случае не отсутствие желаний.

ГЛАВА 2. ЗНАКОМСТВО ДРУГОЕ С ДРУГОЙ.

Настя все время ищет сиденье – это падко и с нахальством – спрятать хотя бы свой зад на сиденье. Прятки самое неосознанное и самое осуществимое в этой жизни. Так она ждет свою маму с работы – слабость, так как не представляет свою жизнь без нее. Она даже может расплакаться от одной мысли потерять ее. Она слишком добра и мила, так утончена. Только что вылупившийся птенчик. Вдруг. Наконец-то появляется Александр Иванович. Ах, точно. Кстати говоря, он психиатр главной героини – Насти. Бегство за его мнением вдобавок к перекрашенной любви к маме. Все это ступеньки к чему-то торжествующему и вязкому – великому. Ее каркасы. По ним она прыгает попой. Но это глубочайшее отверстие, которое даже при сотрясении не теряет своей призрачной пустоты, она – эта дыра обросла клыками. А приход мамы – это как бы одарение и погружение в новое мировоззрение. Она единственная, которую Настя любит просто – неосознанно, по-детски. Как любила свою покойную бабушку. Величественную как горы, к ней можно было прикасаться как к святым реликвиям, она имела все, что нужно уметь человеку. Настя хочет восполнить это величие заново и по-другому – через искусство или писательство.

ГЛАВА 3. ПСЕВДО-ПОЭЗИЯ, КОТОРАЯ КАК ТРАВА РВЕТСЯ СКВОЗЬ.

Триллион кругов – безобидных, поджатые брови острой крышей, которая нужна для удобства хождения как по канату. Плавное торможение кареты, усыхание и внезапная взвинченность и все это в нежной глазури, ропот – мольба смазанная, размазанная ручонками. Раскачивание и тишина, никакой скорлупы. Все это написано с обманом без обмана. Это чувства Насти, когда она нахамила Александру Ивановичу.

ГЛАВА 4. ЗНАКОМСТВО С СЕСТРОЙ «ДРУГОЙ».

Ее рука пала на плечо Насти – сжатием его зацепила ее сердце и выдавила слезы. Затем Аня взяла ее руку и объяла ее вихрем, запустив тик-так – ее ропот.

ГЛАВА 5. И СНОВА МАМОЧКА.

Ее симуляция пустынно, но накаленная спелой структурой, так она говорит Насте: «Ты – гений», глупышка-мама, только в отношении этого слова, которое затем рассыпалось по Земле, как ошибка. Но сколько при этом и теплоты выплеснулось, так что глаза Вселенной расплылись

от слез. Разве в самом деле можно назвать работу Насти «гениальной»? Настя настолько не поверила, не доверилась настолько как бы лестному и одновременно как бы душевному замечанию. Так что наша главная героиня, которая не главная в сущности распоясалась в четыре стороны. Как это негуманно, ведь она ее мама. Какая едкая осмотрительность.

ГЛАВА 6. РАССУЖДЕНИЯ НАСТИ.

«Если бог существует для вас, то вечно, не так ли? Тогда как можно объяснить поклонение, превозношение, прочие дифирамбы, когда вы попросту внезапно начинаете креститься? Нет. Не попросту, а когда вы видите церковь. Как будто бог начинает существовать, когда вы видите его «рубашку» и креститься при одном только ее виде. Так это выглядит на первый взгляд, но «рубашка» и ваше превозношение при виде ее – нелепо, только тогда, когда у вас нет воображения. Но если все наоборот – то за рубашкой стоит ваше представление о боге. Символический казус. Это некоторый магнитик на просторе, не на холодильнике. Напоминание.

ГЛАВА 7. ПОСТЕПЕННОЕ ПРОДВИЖЕНИЕ НАСТИ. СОБЕСЕДОВАНИЕ ЕЕ ГЛАЗАМИ. ПОСЛЕ ОБДУМЫВАНИЯ.

«Вы всегда такая стеснительная?» – говорит он без затяжки и воображения. И хруст, похищенный из ее души – была проведена для нее несуразная анестезия. На доли секунды правда стала гнить в ней – «Неужели я стеснительная?» – задавалась она этим вопросом. «Скорее это он был сдержанным» – говорила она. И обляпал ее. Его лысые мысли ужасали. Обида здесь не причем. Скорее это похоже на выковыривание желчи. Она, возможно, и была стеснительной в 15 лет, но не сейчас! Все это заросло лихой травой!

ГЛАВА 8. РАССУЖДЕНИЕ НАСТИ 2.

«Когда нет ощущения себя самим собой – даже в почерке, когда один с самим собой, можно забыть о том, что ты есть. Притом, что будничность диктует свою причинность и принципность и вкус. Следовательно, некая твердость прослеживается в тебе, и ты обретаешь оболочку, которая строит из тебя конструктор, даже духовную плоть. Так что ты даже не замечаешь, что это не ты – не «избранное», то есть не нечто, которые ты когда-то выбрал и собрал воедино.

ГЛАВА 9. ЗНАКОМСТВО С КРОВНЫМ ОТЦОМ.

С легкостью шиповника – завращались по своей орбите, то есть по контуру фантиками варварские слова – «Она несет какую-то чушь» – услышала дочь (Настя) робкое звучание неробким голосом, робким оно было из-за того, что телефон был приложен к уху очень крепко, мама не хотела, чтобы Настя все это слышала. Но это недоразумение было слышно, как вы поняли. Отец думал, что Настя ничего не слышит, никогда об этом не узнает. Затем он написал Насте – «Любимая дочка...» и так далее и прочее.

ГЛАВА 10. ЕЩЕ ХУДШЕЕ ОЩУЩЕНИЕ.

Настя растрепала все слова так, что ирокезное, причем грязное предложение – вся его структура была выпячивающейся и изломленной, ударом поражающей – прыг-скок. Она вбила ему в самое сердце – бесцеремонно. «Вам плевать...» – рывкнула она пальцем по клавиатуре. И потеряла его терпение, милый нрав, которым он нежно бросался. Она утратила Александра Ивановича. И что? То, что она в нем нуждалась, он недоступный, как иначе? Несмотря на то, что она не помнит большую часть отношений с ним.

ГЛАВА 11. ЭСТ И прочие страдания.

Насте делали электро-судорожную терапию. Это крикливые стучания по вискам с разрядом тока и трубочкой-змеей во рту – романтика. Поэтому она ничего не помнит почти. Большинство воспоминаний поникли, их похоронили, скрытое сожжение. Кроме того, она лежала в психушке один день – забрызганные люди, ходячие как по трассе – осторожно и медленно, а потом вдруг быстро, когда объявляют обед. С растрепанными бровями. Остальное она не помнит. Белые кровати. Все почти белое. И это не вызывает к белоснежности, которую дарит снег, падающий на деревья и землю. Это другой белый свет.

ГЛАВА 12.

Кстати, прямо сейчас пришел «он» – кровный отец, его слова – «Привет, почему ты не на работе?», они составляли доли секунды. А пробыл «он» в квартире минут 40. Как вы думаете он попрощался?

ГЛАВА 13.

Настя любит Александра Ивановича. Она уже сотворила место, где его упрятать. И мне, автору, кажется, что в этой любви присутствует эгоизм, как порождение и вдохновитель. Вот, что Настя однажды написала:

«Канонизировать эгоизм! Эгоизм – интерактивный пульт, как святой Моисей – gps для толпы кричащих от дикой концентрации желудочного сока. Верховенствующий над всем! Эгоизм не токсичен, это популяризованная черта, объявленная паразитической и грязной! Филантропы, как и преступники – эгоисты и трусы, боящиеся без гнева и кровавых брызг, осознанно или нет, смерти и того, что их постигнет, если они сквозь калейдоскоп утопий не начнут помогать нуждающимся! Гримасничающие и страшющиеся бедствия, дарящие типографскую краску или скандальный писсуар Prada, антоганистам-аристократам для вознесения себя в будущем на жантильный треугольный трон какой-то организации. Вредоносный эгоизм есть, но он не поражает как Трамп, только расстраивает, заставляя писать фельетоны!

Эгоизм наш спаситель!

Эгоизм генератор!

Эгоизм во всем! Эгоизм во всем!

Эгоизм должен процветать, а не этично разлагаться!

Эгоизм есть на Западе, Севере, Юге!

Добро и любовь, зло и ненависть порождает эгоизм!

Пробуждение эгоизма!

После анабиоза!

Все мы эгоисты, но никто не баллотируется на звание эгоиста!

«Эгоист» – не оскорбление, а напоминание того, кто мы есть!»

ГЛАВА 14. ПСЕВДО-РАЗОБЛАЧЕНИЕ. ИЛИ ФАСТФУДОВАЯ НЕРВОЗНОСТЬ.

К черту эти рассказы от третьего лица. Автор – Настя. Я – Настя. Попала на базар, я ходила с мамой, но наблюдательность при этом только усилилась, мало ли мама подскользнется, речь не об этом – там все пели, мычали, протягивали свой голосочек в голове с закрытым ртом, со стиснутыми губами напрочь. Как будто во рту у них летал птенчик, который вот-вот вылетит и только тогда замолчит, он кричит о помощи, ведь емкая, объемистая клетка давит на него. Причем и в супермаркете кассир тоже выделялся этой же манерой.

ГЛАВА 15. ПРОСТОЙ ЭПИЗОД, КОТОРЫЙ БЛЕЩИТ ЭСТЕТИКОЙ.

Я курила сигарету худую как линия, прочерченная на бумаге одним взмахом шариковой ручки. Пепел с нее сыпался очень жадно, урывками. Прямо мне на живот, я лежала, мой свитер обижался. Кроме того, в руке я держала ту самую ручку из моего воображения. Настоящую. Я пользовалась пепельницей, так что зацепила несколько раз ручкой пепельницу и вышла музыка богоподобная – чистый ритм, с равными промежутками. Как же красиво это выглядело?

ГЛАВА 16. ПРИМИРЕНИЕ.

Бац – взмахнулся мой отец и создал трапецию в воздухе своим поднятием руки. Он не досадил смотрящим и при этом ласточкой пронзил сердце каждого – сердце всех членов семьи. Но вот изнурение пришло раньше пика выступления. И он наигранно небезобразничал – начал кидать это событие всем в лицо. После этого он обостренно обособился, но все хотели, кажется, его обнять. Ведь он выразил такой блеск, который раздавит каждого. Его телесное либретто поразило. Он хотел нас удивить. Он играл на публику. Ему было приятно внимание. Но событие, которое он кинул нам в личико – это осознанная неловкость, которая его и застопорила.

ГЛАВА 17. ВЕРА. МАМОЧКА И ЕЕ ОШИБОЧКИ.

Роспись была бледно-желтой, покоренная пшенично-желтым, высовывающимся из окна, свет этот исходил от солнца. Перед этой росписью, перед ней, прямо перед ней производились покаяния – каждый мог плюхнуться в свои обвинения на самого себя и отцедить все бездельюшки – омыться. А потом озлобиться на самого себя за то, сколько грехов было сотворено этим самым сознанием, и они озирались на плюшевые выходки в объятиях беса, который есть образ кирпично-красный. И думали потом, сколько пота и крови пролито для побега от искушения, чтобы все-таки отдаться ему. И начали бояться уже всего. Среди них, к сожалению, была моя дорогая мама.

ГЛАВА 18. ВОЛОС. СЕСТРА

Ветчина с прослойками жира и мяса создавала волокно, но вопиющий волос упал на нее с головы моей сестры, у нее длинные волосы, он воплотился с помощью ветчины в «портящий», ветчина хотела высечь волос за его громогласное вмешательство. Волос – один волос – где угодно всегда ленивая приманка – он так отвратителен, когда один. На письменном столе – посланник дьявола. Все зависит, куда его сместить, он постоянно меняет имя. Как многое значит контекст. Почему от обычного фона так меняется слагаемое? Он не имеет никакого тождества с самим собой. Только так может навредить кому-то моя сестра, так, случайно, волосом, как еще можно ее описать, постоянно я тону в рассуждениях-отступлениях.

ГЛАВА 19. Я И ВОЛЯ.

Недреманная и почти что подстреленная, я лежала на голом бетоне, и даже не подложила мягкую руку под голову – как недруг сама себе. Какое-то недоразумение. Я хлестала сама себя. Ходила туда, куда противилось идти мое сердце. Ела то, от чего тошнит – намеренно. Делала все, что приходило мне в голову от чего мурашки по коже и шла на встречу этому, чтобы обогнать несчастье, которое всегда стучится не вовремя и обескураживает на повал. Чтобы оно меня не застало во всей красе, чтобы я опередила его своей волей...

ГЛАВА 20. ВРЕМЯ.

Компьютерная мышь сломалась. Я вышла на улицу с массой одежды на себе. Озадаченная, я принялась обдуться ветром там, да сям. И снова вернулась домой, без смелости в кармане. Ничто не могло пока меня вздернуть. Я начала просматривать кучу фильмов и рыдала, смеялась, утихала и тогда пошла в магазин, чтобы произвести фурор – образы вывешивались на моих черепных впадинах, и никак нельзя было их вывинтить. Образы создавали калейдо-

скопический имидж, грозный по своим размерам. Один, второй, третий могли нагряться и оставить меня бездыханной. Теперь я в паутине кинематографа, зачаровывающей даже неодушевленное!

- Здравствуйте, я ищу компьютерную мышь!
- Подождите-ка.
- Что значит «подождите»?
- Пойдите пока, пожалуйста...
- Да что вы, да вы знаете, с кем говорите? – с пылом спрашиваю.
- С кем же? – с огромным удивлением.
- Я личность! Этого достаточно...!
- Я тоже..., тоже личность.

И я усомнилась в себе. Решила, что я совсем никчемная. И длительность времени вновь стала сдавливать в упорствующей манере. Оно – время – совсем нерадостное, такое непрактичное, а сварливо текущее само по себе. Иногда кажущееся мужественным кулаком – оно ложится прямо на сердце. Из-за времени я так зорка на происходящее. Когда измеряю его оголенным, как при беспцельной прогулке, оно становится невыносимо сдавливающим. А для меня поход за мышкой – это безделье. О! Время – срубающее все, даже косвенно! И только кино может завладеть плавающими конструкциями, призрачными и весомыми. Тогда испачканное время становится добрым диктатором в клоунском, иногда пусть в серьезном облики, но уже не так страшно! Я, познав в этой длительности свою самость через чужие воплощения в кино. Одеда мягкую подушку безопасности. Но не только конкретные образы вились в мою сущность. Есть еще более размягченные и рассыпчатые. Так я решила, что если надену наушники, в которых будет играть серьезная музыка – классика, то она обязательно защитит меня от скуки и, следовательно, от злобы на всех подряд, а также от времени, когда оно обнаженное. Я разговаривала через наушники.

- Добрый день! – проорала я, чтобы услышать себя.
- Добрый день. – неслышно проговорил продавец.
- Что? – спрашиваю вежливо я.
- Добрый день. Снимите наушники, вы себя, наверное, не слышите. – сказал он нормально.
- Мне нужна компьютерная мышь.
- Еще около минуты мы поддерживали беседу.
- Держите.
- Спасибо Вам!

ГЛАВА 21. ГРЫЗУЩЕЕ.

Он успел нализаться леденцом на палочке – этот игрушечный антураж, как это всегда бывает, прикрывал его нутро – вовсе не куртизиана, а поэта, который не гонится за слащавым опытом-стриптизером. Что если содеянное бьется в сердце жирной точки телесности абстрактной – так он напугал своего отца совсем не нарочно, зайдя в комнату громко и с шумом-гамом в ушах отца, он хотел сообщить новость, но напугал его, но больше сотрясалась грудь нашего героя, а не отца, собственно, после этого. Он долго думал, как исправить такие въедшиеся чувства – эти события наложились на подобные из прошлого. В чью пользу работает мозг?

Как вы думаете о ком речь? Для тех, кто не любит секреты и воображение, которое несет то с тем, предлагаю ответ. Это я. Я описала себя в мужском роде. Но секрет и место для воображения – основное – осталось. Думайте.

ГЛАВА 22. ЕСТЕССТВО.

Я сидела под гулкой царапиной дерева, которая плясала насквозь – я чувствовала себя дирижером, когда прикрывала и открывала ладонью эту сквозную щель. Затем перебирала пальцы, как на трубе по кнопкам. Это заметила проходящая женщина, идущая по парку, слушающая в наушниках концерт номер три Рахманинова. Он трепетал и блистал у нее в ушах. Незнакомка с нетерпением подошла ко мне, чтобы наверняка раскусить мое телесное щебетание. Она двинулась ко мне. Мы вместе стали овладевать зовом ветра. Это было редкостью. Наблюдали слитность композиции, которая повторяется. Но все это время здесь находились те, кто желал зла этим деревьям. Рабочие должны были срубить эти деревья. Мы не были для них преградой.

- Просим вас освободить территорию.
 - Вы что не видите особенность этого дерева? Его никак нельзя срубить!
 - Нам положено срубить весь парк!
 - Но все же, только посмотрите!
- И мы учинили настоящую симфонию.
- Нас это не волнует, это дерево еще старше, чем другие!
- И они срубили его.

ГЛАВА 23. ЖЕСТОКОСТЬ.

Конический креозот в бутылке, как вы понять могли, в форме конуса с добавлением листвы, если его вылить составляет горючий листопад – ему подвергся линолеум и говорил:

– Приветствую вас, братья мои, листья измотанные, но все еще юные, богатые опытом, который взвалился на ваши плечи.

– Приветствуем, все больше опытный линолеум, который из друга-отца нашего сотворен – дерева, много испытал на шкуре своей – так много перетерпел.

И разбилось стекло в форме конуса и говорило:

– Я также многострадально и могу быть вашим другом!

Но не приняли они его, так как оно пострадало еще больше от сотворения какой-то совсем не близкой природе формы...

– Мы не принимаем тебя, уйди прочь...

– Но я также было сделано из песка и извести...

– Мы не видим в тебе этого, значит в тебе этого нет!

И лежало стекло одиноко все свое время...

Это написала я и как никогда это касается людей.

ГЛАВА 24.

Риф – продолговатость, свирепствующий мне, ведь я шла по нему своей дорогой, хотела побывать везде. Но риф не давал мне сделать это сполна. Я споткнулась. Не могла превозмочь свои силы – я уже утратила всякую веру – веру во вседозволенность, которую как-то наблюдала, которая была у меня с рождения – она уже потухла, даже не может внятно изъясниться, думая, что шорох – это опасность. Это некоторая крайность, которая никак не разлучает меня с трясинной моего нутра – все бьется трепетно, но никак этого не освободить. И верность своему сердцу осталась гнить в помойке мыслей, которые шатаются уже под ногами – сопливые и неудачные. Они даже не имеют дома, только танцуют в ходячем таборе под укрощением рассудка, который натирает их до блеска – до цирковых, они начинают биться, как «вон выходящие» от такой «заботы». Становятся одной большой мыслью, пожирая друг друга. Я уже совсем обомлела от этой пустоты в голове или иногда от этой жирной, ленивой точки.

Поговорим об утраченном чувстве вседозволенности, когда у меня была чистая, голая воля и хотела я прямо ее выразить, не думая еще, что это может быть подчинение. Только хотела, чтобы желания соответствовали Бытию, а Бытие желаниям. И вот здесь я и стала постепенно опускаться с небес, пока совсем не снизошла до океанских глубин. Желания становились с возрастом более очерченные и презентабельные, а главное – более сильные. И так получилось, что величина их была очень сомнительной для идеологии небес – была неуважаемой, слишком большой. В их обществе для меня все было в миниатюре – то как они излагаются, как себя ведут – они были слишком вялые. Так что мне приходилось себя сдерживать почти что с одышкой. Никто меня не понимал, даже Отец-Всевышний – так думала я. Изгой повсюду, никто не хочет затевать со мной беседы. Так что со стороны я – бедняжка, но это не совсем так.

Хотя я и боялась свободно брать предметы в присутствии своего отца, мало ли они затрепчат и потревожат его покой, я когда одна люблю составить целую композицию из резких ударов по предметам, даже когда я просто их брала. Из-за гипер-аккуратности, которая предполагает заранее избегать беду. Я была съезжившейся – это привил мне закон, но косвенно, о нем можно было догадаться. Но потом я никому не уступала, поэтому отец направил весь свой гнев и почти что приказал опуститься до морского дна. Жить мирским, где как отец думал, ему место. Энтузиасты всегда считались на «небесах» подозрительными. Хотя с отцом я всегда была наигранно почтительна из-за страха, что мое эго будет им разорванно воплем или избивением. Но это потенциально, так как отец никогда не поднимал на него руку. Я была с ним ласкова, чтобы вселить в него кусочек ласки и получить обратно. И это иногда получалось – он улыбался в ответ, но напыщенности при этом не было конца, только редкие просветы, лучики. Я слышала многое о художниках, поэтах – все они – великие и отличались экстравагантностью. Для меня было раз плюнуть совершить безумный огненный поступок для сочности жизненного опыта. Не подумайте, я не просто билась головой об стены. Для меня это была жизнь – нарушать – значит ставить под сомнение, проверять. Добавлять в Бытие кроме озорства и банального юмора, добавлять частицу чего-то непосредственно свежего, переворачивать наизнанку сознание, менять, создавать. Одним только поведением. Но никто меня не понимал. Но постепенно до них доходило, что и как. Начала писать настоящую злободневную прозу. После того как отец прогнал меня, я возненавидела его. Рассказала все сестре и она пошла со мной. И были мы неразлучны. И вместе решили вести стиль жизни великих писателей, поэтов и прочих блуждающих и ищущих душ, за которыми они ранее наблюдали. Только вот у сестры не получилось со временем. Но решили мы все испробовать и пошли в кабаре. Мы спросили, что здесь обычно заказывают недурственные личности – заказали два абсента. Сильно скорчились и подумали, что это выдумка. Я разозлилась и встала на стол, начала читать стихи, кем восхищалась и произвела фурор. Мне аплодировали сидячие напротив. Тогда познала я красоту молодого тщеславия, испытанного впервые. Стала еще громче выкрикивать отрывки из Шекспира и тогда поняла, что нет конца тщеславию, что оно может приесться только из-за однобокости. И после выпитых стаканчиков мы почувствовали прилив сил и больше не заказывали, чтобы не сбиться с ритма. Но потом заказали еще – один, второй, третий, пятый, седьмой стаканчик. И почувствовали страсть к этому, и не нашли меры. Это занятие пакостно. Но хотели еще, это ведь наш дебют. Продолжили кутить напропалую, танцевать с официантами. Затем начали внезапно созидать. Безудержно писать и писать. Перед этим мы попросили у бармена листы и ручки, писали. Но все равно мы были лишениями овитые. Но забыть их легко. Так что сейчас мы ни то чтобы скитаемся, наоборот. И встретила я солнцестояние в жаркую сиесту и полюбила женщину, которая так ускоренно перебирала руками клубнику. О, ее ломкое от худобы тело. И персидские ковры, застилающие от солнца ей глаза – в тени неоправданной – не померкшие глаза. Огрызающиеся глаза. Я влюбилась в нее. Но это было всего-то распыление чувств, которые затем стрелой вонзились в самое сердце. Она была едкая и проворная во всех делах. За ней было не поспеть. Так что я долго приглядывалась и наблюдала, чтобы потом

подкрасться и бац! Но я не сделала этого, а просто созерцала ее красоту. Вдруг. Она уронила большой тяжелый ящик с фруктами. И я затрепетала в конвульсиях о ее здоровье. Витамины сделали ее непревзойденной. И переливающиеся, раскачивающиеся деревья в разные стороны – составляли суматоху на фоне ее целостности и продуманной ловкости. Продавец фруктов не была по существу таковой. При моем наблюдении, она резко ушла вдаль, забрав с собой клубнику. Она тащилась и ела клубнику всю дорогу, пока я не поставила ей подножку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.